

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

ИЗГНАННИКИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Серия «Эксклюзивная классика»

Arthur Conan Doyle
THE REFUGEES

Перевод с английского *А. Горского*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Дойл, Артур Конан.

Д62 Изгнанники : [роман] / Артур Конан Дойл ; [перевод с английского А. Горского]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-154516-1

1687 год. Людовик XIV отменяет Нантский эдикт, даровавший французским протестантам свободу вероисповедания.

Верно служивший прежде государю и исполнявший весьма деликатные и непростые миссии молодой дворянин Амори де Катина по предложению друга из английских колоний бежит с красавицей-супругой Адель в Новый Свет.

Однако в Канаде неспокойно и опасно. Кровопролитное противостояние с отважными и жестокими индейцами-ирокезами сменяется полноценной войной с англичанами. Жертвам нет числа, и Амори и Адель несет девятым валом бесчисленных опасностей...

Великолепный образец приключенческого романа — с дворцовыми интригами, смертельными опасностями, дружбой, прошедшей огонь и воду, и настоящей, искренней любовью — от создателя бессмертного Шерлока Холмса.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. А. Горский, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Если бы автор какого-нибудь исторического сочинения или романа упоминал о всех источниках, откуда он черпал сведения, ему пришлось бы уснастить свою книгу чрезмерным количеством библиографических примечаний. Но всякий, кому приходится писать о французском дворе семнадцатого столетия, выказал бы полную неблагодарность, не признавшись, насколько он обязан мисс Джули Пардо; то же самое можно сказать о мистере Фрэнсисе Паркмэне по истории Америки.

Должен добавить, что позволил себе некоторые вольности в обращении с историческими фактами. Они сказались главным образом в том, что события, происходившие в продолжение трех лет, изображены мною как случившиеся за гораздо более короткое время.

Артур Конан Дойл

Южный Норвуд, 14-го марта 1892 г.

Часть первая

В СТАРОМ СВЕТЕ

I

Человек из Америки

То было обыкновенное окно из тех, какие существовали в Париже в конце семнадцатого столетия — высокое, разделенное пополам большой поперечной перекладиной и украшенное над серединой ее маленьким гербом — тремя красными чертополохами на серебряном поле, нарисованном по стеклу ромбовидной формы. Снаружи этого окна торчал толстый железный прут с висевшим изображением маленького золоченного тюка шерсти, раскачивавшегося и скрипевшего при малейшем порыве ветра. На противоположной стороне улицы из окна были видны дома: высокие, узкие, вычурные, с деревянной резьбой по фасадам, с остроконечными крышами и башенками на углах. Между двумя рядами их тянулась булыжная мостовая улицы Св. Мартина, откуда доносился несмолкаемый топот массы человеческих ног.

Внутри дома у этого окна стояла широкая скамья, обтянутая коричневой тисненой кожей. Расположившись на ней, члены семьи могли видеть все, происходящее в деловом мире улицы у их ног.

В настоящую минуту здесь, спиной к окну и лицом к большой, роскошно убранной комнате, сидели мужчина и девушка. По временам они переглядывались друг с другом и глаза их светились счастьем.

Впрочем, тут не было ничего удивительного, так как оба представляли собой красивую парочку. Девушка была на вид очень молода, ни в каком случае не старше двадцати лет; лицо ее, прозрачное, с особой бледностью, полной выразительности и свежести, как бы свидетельствовало о чистоте и невинности. Никому и в голову не пришло бы пожелать, чтоб эта девическая прелесть сменилась более яркими красками. Черты лица были нежны и привлекательны, а иссиня-черные волосы и длинные темные ресницы составляли острый контраст с мечтательными серыми глазами и белизной кожи, напоминавшей слоновую кость. Во всей осанке девушки чувствовались какое-то особое спокойствие и сдержанность, еще более оттеняемые простым платьем из черной тафты; брошка каменного угля с таким же браслетом служили единственным украшением этого наряда. Такова была Адель Катина, единственная дочь известного гугенота, торговца сукном.

Но простота костюма девушки с избытком вознаграждалась роскошью одежды собеседника. Это был человек старше ее лет на десять, со строгим лицом солдата, мелкими четкими чертами, холеными черными усами и темными глазами, становившимися жесткими в момент отдачи приказа мужчине и нежными при обращении с мольбой к женщине — и в том и в другом случае с одина-

ковым успехом. На нем был кафтан небесно-голубого цвета, расшитый блестящими галунами с широкими серебряными погонами на плечах. Из-под кафтана выглядывал белый жилет, а брюки из такой же материи были убраны в высокие лакированные ботфорты с золочеными шпорами. Лежавшие рядом на скамье рапира с серебряной рукояткой и шляпа с пером дополняли костюм, носить который считалось особой честью. Любой француз признал бы в незнакомце офицера знаменитой голубой гвардии Людовика Четырнадцатого. Со своими кудрявыми черными волосами, с гордой посадкой головы этот молодой человек казался изящным, блестящим воином. Действительно, он уже доказал это на поле брани, и имя Амори де Катина стало выделяться среди множества фамилий мелкого дворянства, стекавшегося ко двору короля.

Он приходился кузеном сидевшей с ним молодой девушке и в их лицах можно было даже найти фамильное сходство. Де Катина происходил из дворянского гугенотского дома, но, рано лишившись родителей, поступил на военную службу. Без всякой протекции он сам пробил себе дорогу и достиг своего теперешнего положения. Между тем младший брат его отца, видя, что все пути перед ним закрыты вследствие преследований, обрушившихся на его единоверцев, откинул частичку «де» — признак дворянского происхождения — и занялся торговлей с таким успехом, что в описываемое нами время слыл за одного из самых богатых и выдающихся граждан Парижа. Офицер гвардии сидел в его доме и держал в руке белую ручку его единственной дочери.

— Скажи, чем ты взволнована, Адель? — проговорил он.

— Ничем, Амори.

— Ну а что значит эта складочка между нахмуренных бровей? Ведь я умею читать твои мысли, как пастух угадывает время по окраске неба.

— Право, ничего, Амори, но...

— Что «но»?

— Ты уезжаешь сегодня вечером.

— И возвращусь завтра.

— А тебе непременно, непременно надо ехать сегодня?

— Я мог бы полатиться службой, если бы этого не сделал. Завтра утром я обязан дежурить у спальни короля. После обедни меня сменит майор де Бриссак, и тогда я снова буду свободен.

— Ах, Амори, когда я слышу твои рассказы о короле, дворе, знатных дамах, я, право, удивляюсь...

— Чему?

— Как ты, живущий среди такого великолепия, снисходишь до того, чтобы сидеть в комнате простого торговца.

— Да, но то, что вы находитесь в ней?

— Вот это-то и есть самое непонятное для меня. Ты, проводящий жизнь среди таких красивых, умных женщин, вдруг считаешь меня достойной своей любви, меня, совсем тихую маленькую мышку, всегда одинокую в этом большом доме, такую застенчивую и неловкую. Вот это-то и удивительно.

— У всякого свой вкус, — промолвил Амори, поглаживая маленькую ручку. — Женщины — это цветы. Некоторые предпочитают большой золоти-

стый подсолнечник или розу, величественно красивую, невольно бросающуюся в глаза. А мне, наоборот, нужна крошечная фиалка, скрывающаяся среди мхов, но такая милая и благоухающая... А складочка у нас все не разглаживается, дорогая.

— Мне хочется, чтобы вернулся отец.

— Почему? Разве ты чувствуешь себя одинокой? Внезапно улыбка осветила бледное лицо.

— Я не буду одинока до вечера. Но я вечно беспокоюсь, когда он отсутствует дома. Теперь так много говорят о преследовании наших бедных братьев.

— Ну, дяде-то нечего бояться.

— Он пошел к старшине гильдии переговорить насчет приказа о расквартировании драгун.

— А, ты умолчала об этом.

— Вот бумага.

Она встала и взяла со стола лист синей бумаги с болтавшейся красной печатью. При взгляде на него Амори нахмурил свои густые черные брови.

«Предписываем вам, Теофилу Катина, торговцу сукном, проживающему по улице Св. Мартина, дать помещение и продовольствие двадцати солдатам из Лангедокского полка голубых драгун под командой капитана Дальберга, впредь до дальнейшего распоряжения.

(Подписано) — *Де Бонпре,*
королевский комиссар».

Де Катина хорошо знал этот способ притеснения гугенотов, практиковавшийся во всей Франции, но льстил себя надеждой, что своим положе-

нием при дворе избавит родственников от подобного унижения. С гневным выкриком он швырнул бумагу на пол.

— Когда они должны прибыть?

— Отец говорил, сегодня вечером.

— Ну, так они ненадолго задержатся здесь. Завтра я достану приказ об их удалении. Однако солнце уже зашло за церковь Св. Мартина и мне пора отправляться в путь.

— Нет, нет, не уезжай...

— Мне бы хотелось передать тебя в руки отца, так как я боюсь оставить тебя одну с этими солдатами. Но от меня не примут никаких объяснений, коль скоро я не явлюсь в Версаль. Посмотри, какой-то всадник остановился перед дверью. Он штатский и, может быть, послан твоим отцом.

Девушка быстро подбежала к окну и выглянула, опершись рукой о плечо кузена.

— Ах, я и забыла! — воскликнула она. — Это человек из Америки. Отец сказал, что он должен прибыть сегодня.

— Человек из Америки? — повторил с удивлением офицер, и оба, вытянув шеи, стали смотреть на него из окна.

Всадник, сильный, широкоплечий мужчина, бритый, с коротко подстриженными волосами, повернул в их сторону длинное смуглое лицо с резкими чертами, оглядывая фасад дома. Его серая шляпа с мягкими полями могла и не удовлетворить парижские вкусы, но зато темная одежда и высокие ботфорты ничем не отличались от костюма любого гражданина Парижа. Но вообще в нем было нечто экзотическое, и поэтому целая толпа

зевак уже собралась поглазеть на всадника и лошадь. Старый мушкет с необычайно длинным стволом был привязан к стремяни так, что дуло торчало вверх; у луки седла болтался черный мешок, а сзади него красовалось скатанное ярко-красное полосатое одеяло. Сильная лошадь, серая в яблоках, была вся покрыта сверху потом, а снизу грязью. Ноги ее, казалось, подгибались от усталости.

Всадник, очевидно, убедившись, что это и есть разыскиваемый им дом, легко соскочил с седла, отвязал мушкет, одеяло и мешок, спокойно пробрался среди глазевшей на него толпы к двери и громко постучался.

— Кто он такой? — спросил де Катина. — Канадец? Я сам почти могу считаться им. По ту сторону океана у меня было, пожалуй, столько же друзей, сколько здесь. Может быть, я встречал его. Там не очень-то много белых, и за два года я едва ли не перевидал их всех.

— Нет, он из английских колоний, Амори. Но владеет нашим языком. Мать его была француженкой.

— А как его звать?

— Амос... Амос... Ах, уж эти имена. Да, вспомнила... Амос Грин. Его отец давно ведет дела с моим, а теперь послал сына, жившего, как я слышала, всегда в лесах, посмотреть людей и города. Ах, боже мой, что случилось там?

Из нижнего коридора внезапно раздались отчаянные крики и визг, затем чей-то мужской голос и звуки поспешных шагов. В один миг де Катина сбегал с лестницы и остановился, с изумлением глядя на происходившую перед ним сцену.

Две девушки визжали что есть мочи, прижавшись к косякам двери. Посреди сеней старый слуга Пьер, суровый кальвинист, отличавшийся обыкновенно сознанием собственного достоинства, вертелся волчком, размахивая руками и вопя так громко, что его крики, наверное, можно было слышать в Лувре. В серый шерстяной чулок, обтягивающий его худую ногу, вцепился какой-то пушистый волосатый черный шар с маленьким блестящим красным глазом, устремленным вверх, и ярко-белыми зубами.

Молодой незнакомец, вышедший было на улицу к лошади, услышав крики, поспешно вбежал в сени, схватил зверька, ударил его два раза по мордочке и бросил головой вниз в мешок, откуда тот выбрался.

— Ничего, — проговорил он на превосходном французском языке, — ведь это только медвежонок.

— О боже мой! — кричал Пьер, отирая лоб. — Ах, за эти минуты я состарился на пять лет. Я стоял у двери, раскланиваясь с мсье, а он вдруг схватил меня сзади.

— Это я виноват, не завязал мешка. Звереныш родился как раз в день нашего отъезда из Нью-Йорка, во вторник ему будет шесть недель. Я имею честь говорить с другом моего отца, мсье Катина?

— Нет, сударь, — ответил с лестницы офицер. — Дяди нет дома. Я капитан де Катина, к вашим услугам, а вот мадемуазель Катина, хозяйка этого дома.

Незнакомец поднялся по лестнице и поклонился обоим с видом человека робкого, как дикая

серна, но, вместе с тем, принявшего отчаянное решение перенести все, выпавшее на его долю. Он прошел с хозяевами в гостиную, а затем немедленно исчез, и шаги его уже раздавались на лестнице. Скоро он вернулся с красивым блестящим мехом в руках.

— Медведь предназначен вашему отцу, — проговорил он. — Эту же шкуру я привез для вас. Пустяк, но все же из нее можно сделать пару мокасин или сумочку.

Адель в восторге вскрикнула, погружая руки в мягкий мех. Да и было чем восхищаться, так как ни у одного короля в мире не было ничего подобного.

— Ах, как это красиво! — промолвила она. — А что это за зверь и откуда он?

— Чернобурая лисица. Я сам убил ее во время последней экспедиции в ирокезские селения у озера Онеида.

Адель прижалась щекой к меху; ее белое личико казалось мраморным на этом черном фоне.

— Очень жаль, мсье, что отца нет дома, чтобы вас встретить, — сказала она, — но я от всего сердца приветствую вас за него. Комната вам приготовлена наверху. Если желаете, Пьер проводит.

— Комната, мне? Зачем?

— Как зачем? Чтобы спать.

— А разве мне непременно нужно спать в комнате?

Де Катина рассмеялся при виде недовольного лица американца.

— Можете не спать там, если не желаете, — сказал он.

Лицо незнакомца прояснилось. Он подошел к дальнему окну, выходящему на двор.

— Ах! — воскликнул он. — Там есть бук. Если вы позволите мне взять туда мое одеяло, это будет лучше всякой комнаты. Зимой, конечно, приходится спать под крышей, но летом я задыхаюсь... меня давит потолок.

— Так вы живете не в городе? — спросил де Катина.

— Мой отец живет в Нью-Йорке, через два дома от Питера Стьюшанта, о котором вы, вероятно, слыхали. Он очень выносливый человек, переносит и это, но я... с меня слишком достаточно нескольких дней в Олбани или Шенектэди. Я всю жизнь провел в лесах.

— Я уверена, что отцу будет все равно, где бы вы ни спали и что бы вы ни делали, только бы были довольны.

— Благодарю вас. Ну, так я возьму туда свои вещи и вычищу лошадь.

— Но ведь Пьер может сделать это.

— Я привык делать все сам.

— Я пойду с вами, — проговорил де Катина. — Мне нужно сказать вам пару слов. Итак, до завтра, Адель.

— До завтра, Амори.

Молодые люди вместе сошли с лестницы, и капитан проводил американца до двора.

— Вам пришлось сделать длинный путь? — осведомился он.

— Да, я приехал из Руана.

— Вы устали?

— Нет, я редко устаю.

— Так побудьте с мадемуазель, пока не вернется ее отец.

— Почему вы говорите это?

— Потому что я должен уехать, а ей может понадобится защитник.

Незнакомец молча кивнул головой и, скинув свою темную одежду, усердно принялся чистить грязную от дороги лошадь.

II

Монарх у себя в опочивальне

Наступило утро следующего дня; капитан де Катина явился на службу. Большие версальские часы пробили восемь: монарх скоро должен встать. По всем длинным коридорам и украшенным фресками переходам громадного дворца пробегали сдержанный говор и легкий шум, шли спешные приготовления к пробуждению ото сна и одеванию короля — великому придворному церемониалу, совершавшемуся при участии многих лиц. Проскользнул лакей, неся придворному цирюльнику, господину де Сен-Квентону, серебряное блюдо с кипятком для бритья короля. Несколько лакеев, каждый с какой-либо частью одежды, толпились у коридора, ведущего в прихожую. Кучка гвардейцев в блестящих голубых мундирах с серебряным шитьем подтянулась и взяла алебарды на караул. Молодой офицер, задумчиво смотревший из окна на террасу, где несколько придворных смеясь, болтали между собой, круто повернулся на каблуках

и направился к белой с золотом двери королевской опочивальни.

Едва он занял свой пост, как кто-то тихонько нажал изнутри ручку двери, неслышно отворившейся на петлях. Какой-то человек бесшумно вышел из спальни, закрыв за собой дверь.

— Тс! — прошептал он, приложив палец к тонким, резко очерченным губам, причем на его тщательно выбритом лице с дугообразными бровями выразились мольба и предостережение. — Король еще изволит почивать.

Эти слова также шепотом передавались из уст в уста среди группы людей, толпившихся у двери. Произнесший их господин Бонтан, обер-камердинер короля, сделал знак офицеру и отвел его к оконной нише.

— Доброго утра, капитан де Катина! — фамильярно и вместе с тем почтительно проговорил он.

— Доброе утро, Бонтан. Как почивал король?

— Чудесно.

— Но ведь ему уже пора вставать.

— Нет.

— Вы еще не будили его?

— Разбужу через семь с половиной минут.

Лакей вынул маленькие круглые часы, распряжавшиеся над человеком, который был правителем двадцати миллионов людей.

— Кто дежурит на главном посту?

— Майор де Бриссак.

— А вы здесь?

— Я буду находиться при особе короля в продолжение четырех часов.